

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

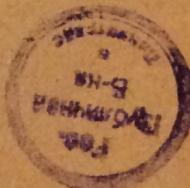
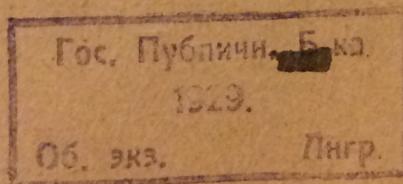
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

ОРГАН ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОДСЕКЦИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ СЕКЦИИ ГАХН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЮРИЯ СОКОЛОВА

IV—V

МС-579.

МОСКВА
1929

Солдатская песня из эпохи семилетней войны.

П. Рулин (Киев).

Еще на IV Археологическом съезде, бывшем в 1878 году в Казани, один из поставленных в организационном порядке вопросов просил указаний „о рукописях, писанных не позже конца XVIII века и содержащих в себе народные былины, народные песни и собрания народных пословиц“¹⁾. Тогда же поступили сведения о нескольких таких сборниках, но на этом дело и заглохло.

Между тем, изучение старых тетрадок и альбомов представляет интерес не только для характеристики литературных вкусов эпохи. Попадающиеся в этих тетрадях записи фольклорного материала тоже несомненно нуждаются в учете, сводке и исследовании. Далекие от тех требований точности, которые установлены современной этнографией, эти записи являются, тем не менее, весьма ценным материалом при изучении отдельного сюжета; они дают не только лишний текст, но, обыкновенно и более или менее давнюю запись его, поддающуюся при том известной датировке.

Настоящая заметка имеет своей целью сообщить новый вариант одной уже известной в других записях солдатской песни. Текст извлечен из рукописного сборничка, принадлежащего киевскому библиофилу А. Н. Александровскому.

Сборник состоит из духовных песен, переложений псалмов, стихов на рождество христово, оды и стихотворения на воскресенье христово и, наконец, песен „светских“, написанных, думается, не без влияния Кантемира. Составил сборник и сочинил большую часть вошедших в его состав номеров некий архимандрит Маркиан. Многочисленные приписки после отдельных песен позволяют установить, что в 1808 г. он был студентом богословия и послушником в Киево-Печерской Лавре, в 1814 г.—учителем риторики, а в 20-ых годах поочередно архимандритом трех монастырей в Белоруссии. Очевидно, к началу 30-х гг. и относится

¹⁾ Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Казань, 1891, ч. II, 159.

составление этого сборника; язык его довольно чист: конечно, много церковнославянismов, но нет следов белорусского или украинского произношения его автора.

Среди „светских“ песен²⁾—2-ая это известная вирша, приобретшая себе значительную популярность в украинской народной традиции—“Что я кому виноват, за что погибаю“³⁾.

Далее следует текст 3-ей песни, который и привожу здесь полностью:

Послушайте Господа
Спойем песню про себя
Ахъ не сами про себя.
Про Пруссского Короля 2.
5. Мы подъ Ригою стояли
Много нужды принимали 2.
Мы подъ Пруса подступали
Много силы потеряли — 2.
Разбѣжались по ролямъ
10. Да по Прусскимъ по лѣсамъ 2.
Наша армія стоитъ
Какъ смола въ огнѣ кипить 2.
Одна пуля пролетѣть
Изъ нась многихъ поразить 2.
15. А намъ некуда ввойти
Ни на мѣсто перейти 2.
Лопухинъ рѣчъ говорилъ
Что себя фельтмаршаль скрылъ
Ахъ измѣнилъ спутовалъ
20. На свою душу соглагъ 2.
Противъ присяги онъ всей
Противъ вѣры своей 2.

Самъ же пѣть онъ пропиваѣтъ
И измѣнѣй погубляєтъ 2.
25. Воинскую силу всю
Вѣрну Армію свою 2.
Повернися дивизія
И ты первый скадронъ 2.
Повернулась дивизія
30. Мало вправилася 2.
И съ противнѣмъ симъ злодѣемъ
Сопротивилася 2.
Точилася баталія
Четырнадцать часовъ 2.
35. А сточивши баталію
Стали тѣла разбирать 2.
Нашли Русскихъ убіенныхъ
Полковниковъ до пяти
Генераловъ четырехъ
40. А конюшекъ солдатушекъ
И считать не можно 2.
Ахъ крушина, крушина.
43. Пришла къ смерти кончина.

Неизвестно кто сочинилъ.

Песня эта вошла еще в сборник Чулкова-Новикова 1780 года²⁾, а вслед за ним, и в другие песенники, в которых и додержалась до конца 40-х гг.³⁾. Целый ряд записей опубликован и в этнографических

¹⁾ О ней см. В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы. Спб. 1900 т. I, стр. 313—319, и П. Рулин. Українська пісня в старовинному російському співаннику. Зап. I Від. Укр. Ак. Наук., кн. IV.

²⁾ Перепечатано Бессоновым. Песни, собранные П. Кириевским. М. 1872. IX. 105—107 в.

³⁾ См. „Полный новейший песенник въ тринадцати частяхъ, содержащий въ себе соображеніе всехъ лучшихъ песенъ известныхъ нашихъ авторовъ, какъ-то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, Пушкина, Баратынского, Козлова, Дельвига, Феодора Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова и многихъ другихъ литераторовъ. Расположенный въ отдельныхъ частяхъ для каждого предмета, собраный Иваномъ Гурьяновымъ. М. 1835, ч. II, стр. 182, № 86.—Полный новейший песенник. Москва въ типографии Н. Семенова. 1849, ч. I, 184, № 86—перепечатка предыдущего; оба текста буквально совпадаютъ с Чулковскимъ.

собраниях. Два варианта (Симбир., Калужск.) дают собрание П. Киреевского¹⁾; один и тот же текст видим мы у Якушкина и Худякова²⁾; 4—(Новгород, Рязань, Самарский и неизв.) дает нам П. Шейн³⁾; 2 украинских записаны Я. Новицким⁴⁾; наконец, обломки этой песни встречаем в Смоленской записи Добровольского⁵⁾ и у Новожилова⁶⁾.

Наш вариант ближе всего к напечатанным в собрании Киреевского. В симбирском варианте его речь идет о прусской атаке; затем песня переходит к Лопухину, который подбодряет себя трубкой и призывает своих солдат к наступлению. Далее — кровопролитное сражение; Лопухин „лежит убит“, но просит бумаги и пишет государыне об измене Потемкина, который

Въ своем полку не бываль
Всес силу растеряль,
Коё пропиль, промоталь,
Коё въ карты проиграль⁷⁾.

Текст Чулкова короче симбирского (43 стиха против 56); зато он резче подчеркивает некоторые стороны события. Один генерал, „наш батько“, очевидно, Лопухин, проявляет активное отношение к сражению; он ведет свою дивизию в бой, в то время, как другой

Какъ пень стоять
Ничего не говорит
.....
Насъ и въ строй не становить
И палить намъ не велить.

Эта антитеза находит свое выражение и после битвы:

Намъ сказалъ тута одинъ,
Что генераль нашъ господинъ
Онъ столуетъ, онъ пируетъ
Со Прусскимъ королемъ,
Проѣдаетъ, пропиваєтъ
Онъ всю армію ему.

1) IX; 95—98, 105—107.

2) Якушкин. Русские песни, стр. 91—92.—Худяков. Сборник великорусских народных исторических песен. М. 1860, 171.

3) П. Шейн. Русские народные песни. Песни былевые. Чт. Общ. И. Др. Росс. 1877. III, 110—114.

4) Я. Новицкий. Малорусские песни, преимущественно исторические. Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ. 1894, т. VI, вып. 2, № 46 А и Б.

5) Добровольский. Смоленский Сборник. Записки Рус. Геогр. Общ. по этнографии, т. IV. М, 1903, стр. 620.

6) А. Новожилов. Посиделки.—Живая Старина. 1910, № 1, 143—145.

7) В другом варианте вместо Потемкина упоминается „Абросим-генерал“ (по догадке Бессонова—Апраксин); в другом—Румянцев; но зато там... „Суворов генерал“ свою силу утверждал“.

Мысль об измене брошена определенно.

Наш вариант еще яснее подчеркивает те же обстоятельства: „себя фельдмаршал скрыл..“ и т. д. (ст. 17—28).

Рязанский вариант Шейна дает краткий рассказ, путающий самые обстоятельства борьбы; в нем упоминается и „прудкий король“ и война с поляками. Новгородский вариант из того же собрания тоже ничего не говорит об измене; эпизод с письмом скомкан и неясен: оно пишется „...государыне въ Синод, Марье Федоровне“. Екатеринославские варианты (1885 и 1887 гг.) снова вводят Потемкина, удерживают Лопухина, но зато, вместо пруссаков, появляются французы. Варианты Якушкина и Худякова, перенося действие в ту же обстановку, присоединяют известную песню о грозном и самонадеянном письме враждебного России царя, воскресающую в каждую войну (Пишет, пишет царь французский). Наконец, смоленский вариант сохраняет только печальную развязку сражения и письмо Лопухина; зато содержание этого письма кардинально меняется. Лопухин пишет „ко сударушке своей“ и передает ее воле — выйти замуж или оставаться вдовой. Обстановка характеризуется стихом: „загадали поляки съ москалями воевать“. Два варианта Шейна дают любопытный образец усвоения этого сюжета женской лирической песней. Девушка поет о разлуке (самарск. вар.) или, обращаясь к соловью (мести. не указан.), переносится мыслью к своему милому и в лирический материал вставляет отрывки из песни о Лопухине (в самар. вар. даже довольно значительные). Подобное же приурочение этой песни к другой обстановке видим мы и в записанном А. Новожиловым на посиделках отрывке. Здесь действие переносится, очевидно, в эпоху Севастопольской кампании. Лопухин заменяется Воронцовым; он курит трубку для того,

Штобы пьяному быть,
Посмияя наступать (2)
Турке голову сломить (2)
Агледанке кровь пролить...¹⁾.

Таким образом, песня претерпела ряд изменений, но основное ядро ее заключается в варианте Чулкова и нашем. Думается, что эти варианты и являются более древними: в них мысль об измене не облечена еще в форму писания письма, несомненно являющуюся наслаждением обстановочного характера.

Как мы видим тема этой песни заключается в развитии, правда, довольно робким, мысли об измене и в противопоставлении деятельного и решительного Лопухина фельдмаршалу Апраксину, которому вменяется в вину его бездеятельность или даже определено указывается на измену.

Какие же события дали материал для этой песни?

Комментарии к ней были даны еще Бессоновым, определенно связавшим ее с прусской войной и Апраксиным, смещенным вскоре после битвы при Гросс-Егерсдорфе, которая была выиграна русскими войсками,

1) Поется с припевом „лели“, повторяемым пять раз.

но не использована командованием. Это было первое серьезное столкновение русских с пруссаками; кончилось оно победой, которая, правда, дорого обошлась русской армии¹⁾.

Тем не менее, армия только спустя несколько дней медленно двинулась вперед, но вскоре начала поспешное отступление. Последние исторические исследования—Масловского, Бильбасова, Гейсмана²⁾ оправдывают образ действия Апраксина: с одной стороны, он был связан в своих действиях конференцией, которая путала военное дело с политикой, с другой стороны, все свои решения он принимал после обсуждения их на военном совете. Но суд современников не мог примириться с непонятным для них образом действий и, обвинения в измене щедро сыпались на голову Апраксина³⁾. Особенно хорошо отразил настроение армии в этот поход Болотов, который принимал в нем участие и оставил подробное описание битвы.

„Не могу без досады и поныне вспомнить, какое сделалось тогда вдруг во всей армии волнение, истинно не было почти человека, у которого бы на лице не изображалась досада, сстыдом и гневом смешанная. Повсюду слышно было только роптание и тайное ругательство на главных командиров. Многие въяви почти кричали, что „измена и измена очевидная“ ... „Все обвиняли тогда фельдмаршала Апраксина... никто во всем свете не мог понять, что бы побудило графа Апраксина выпустить из рук все приобретенные выгоды“⁴⁾.

В атмосфере подобного недовольства и могла родиться наша песня.

У Болотова же находим мы и обяснение того противопоставления двух полководцев, Лопухина—Апраксина, которое определено заметно в песне. Генерал Василий Абрамович Лопухин пользовался чрезвычайной популярностью в армии. „Несколько генералов и начальников наших было убито. Но ни о котором так вся армия не тужила, как о генерале Лопухине... последние его слова остались у всей армии в незабвенной памяти. Он, будучи уже при крае жизни, спрашивал еще предстоящих: гонят ли наши, жив ли фельдмаршал. И как его

1) С. Соловьев. История России, т. XXIV; кн. V, 990.

2) Бильбасов. Русская армия в Семилетнюю войну.—Соч. Д. Масловского, т. I. Спб. 1886.—Журн. МНПр. 1887, I, 146—185. Гейсман. Ст. Ф. Апраксин. Русский Биографический словарь. Спб. 1900, т. II, 241—256.

3) Канцлер Бестужев писал Апраксину еще 18 июля 1757 г. „Несмотря на всю строгость изданного въ народъ и въ вашу пользу запретительного указа, медлительство вашего марша... начинает здесь уже по всему городу вашему превосходить въесьма предосудительное рассуждение производить...“ Архив кн. Воронцова. М. 1872, т. IV, 96—97.—де Месельерь: „Фельдмаршалъ Апраксинъ двусмысленно вѣль себѧ въ Гроссъ Егерсдорфскому сраженію“, Рус. Арх. 1874, стр. 976.—Прусские историки тоже не попнимали отступления армии и связывали его с придворными интригами—см. Schaefer, Geschichte des siebenjähriges Kriegs. Berl. 1867, I, 347. Ср. Болотов. Записки I, 571.

4) Записки, т. I, 570, 572.—Единственно, кто пишет о сожалении армии по поводу ухода Апраксина и замены его немцем—Фермором—это состоявший сначала при Апраксине, а затем и при Ферморе, ассессор Веселицкий.—Архив Воронцова. М. 1875, т. VII, 500—501.

в том окружающие уверили, тогда, крестясь, сказал он—Ну, слава богу, теперь умру с покоем, отдавши долг моей государыне и любимому отечеству, и того момента в самом деле умер. Смерть его, по справедливости, была славная, ибо редко о котором бы генерале так много было плачущих, как об нем“¹⁾.

Эта популярность Лопухина и могла быть причиной выделения его народной песней. Печальный же конец его—смерть в бою давал еще больше оснований для противопоставления его далекому от армии Апраксину, находившемуся к тому же вне пределов досягаемости неприятельского огня. Кроме того, весьма возможно, что смутные слухи о каких-то предсмертных словах Лопухина дали основания для эпизода с письмом к царице, который часто встречается в записях нашей песни.

Кроме того, не исключена возможность того, что в армию проникли слухи о несогласиях, бывших среди командного состава. По крайней мере, в одном из своих оправдательных писем Апраксин говорит, что его тактика—не принимать никаких действий без совета с генералом Ферморо—вызывала зависть в некоторых генералах и в том числе в Лопухине²⁾.

Таковы были те факты, которые отразились в этой солдатской песне. Интересно, что, помимо общих очертаний событий, эта песня довольно верно передает и некоторые детали обстановки самой битвы. Выдвинутая в узкое пространство между рекой и густым лесом, армия имела очень небольшой плацдарм³⁾ (ср. стих. 15 нашего текста); также верно передается и состояние армии при сильном огне пруссаков и расстерянности командиров⁴⁾ (стихи 11—12). С другой стороны, любопытно отметить, как постоянные элементы описаний—курене трубки Лопухиной и продолжительность битвы в 14 часов. Такого срока не упоминает никто из историков этих событий.

В дальнейшем, имена героев этой песни подвергались изменениям. Вместо Апраксина мы встречаем Потемкина; вместо Лопухина—Суворова. Самое сражение приурочивается к разным войнам. Неизменной оставалась только антитеза между двумя военачальниками и мысль об измене вверху. Это и неудивительно. Дворцовые сплетни переходили в армию и разбухали при первой удобной возможности. Поэтому и данная песня сделалась емким сюжетом, приобретя, как пишет Бессонов, „в устах народа характер упреков и укоров разным лицам, которые выставлялись без разбора, смотря по годам и по приливу неудовольствия. Nomina подставлялись, как всегда, odiosa...“⁵⁾.

1) Иб. I, 546. Ср. единственный отрицательный отзыв о Лопухине в „Письме журна из Риги“, очевидно, прусского шпиона—Архив Воронцова, т. VI, стр. 488. Но автор этого письма дает отрицательные характеристики всем полководцам, исключая одного лишь Румянцева.

2) Архив Воронцова, т. IV, стр. 185.

3) Болотов, I, 512—516.

4) Болотов, I, 518—536.

5) Песни Киреевского, IX, 104.